

ФРАНКО НЕМБРИНИ

ДАНТЕ И МИЛОСЕРДИЕ

В статье представлен оригинальный взгляд итальянского педагога Франко Нембрини на практику чтения «Божественной комедии» Данте. Автор предлагает индивидуалистическую концепцию чтения, в центре которой находится личный жизненный опыт читателя как основание для интерпретации текста. Анализируя тему милосердия в «Божественной комедии», автор проводит аналогию между Беатриче и Богородицей. Текстологическое сравнение описаний и функций двух фигур позволяет заключить, что «милосердие» является центральной темой всей поэмы и объединяет все три кантики.

Ключевые слова: милосердие, практики чтения, желание, Беатриче, Богородица, Данте.

Не надо и говорить, что я очень волнуюсь. И это потому, что чувствую себя не совсем адекватным ситуации, поскольку я не являюсь исследователем Данте в академическом смысле. Есть много вещей, касающихся как Данте, так и «Божественной комедии», о которых я ничего не знаю. Поэтому последняя моя задача — это предстать перед вами тонким знатоком средневековой литературы. В то же время я думаю о себе как об эксперте по творчеству Данте в латинском смысле этого слова, в этимологическом смысле, то есть я — тот, кто приобрел определенный жизненный опыт, понять и пережить который помог Данте. Поэтому история моих отношений с Данте — это история человека, который хочет понять и познать и который находит в Данте (как и во всех остальных великих авторах и в высоком искусстве) интересного и уважаемого собеседника. Только с этой позиции я могу находиться здесь с вами и говорить о Данте. И потом я очень взволнован, поскольку сейчас годовщина «Прощение Ассизи». Когда мне позвонили, первая мысль, которая пришла мне в голову: «Им что, не-

кого было больше позвать? Все те, которые знают больше, находятся в отпуске?» Меня это поразило, поскольку Франциск — это мое имя в Крещении, и быть здесь сегодня с вами во время праздника дня Прощения¹⁾ кажется мне чем-то необыкновенным. Попробую сделать то, о чем меня попросили. Вопрос был поставлен так, именно в свете годовщины Прощения Ассизи: попробовать рассказать вам, что бы сказал Данте, что он говорил о милосердии и о прощении. Ясно, что за 45 минут я смогу отметить только некоторые моменты. Но потом дело станет за вами: если еще будет интересно, вы пойдете и увидите.

Моя жена всегда говорит мне, что я слишком много времени уделяю предпосылкам, и потом у меня не остается времени сказать то, что хотел бы, но мне кажется, что предпосылки очень важны. Я считаю нужным рассказать тем, кого я встречаю, откуда у меня эта страсть к Данте, потому что это дает ключ к прочтению, ведь каждый может повторить опыт, который случился со мной. Не сказать об этом — все равно что утаить от вас что-то важное. И сегодня вечером я начну с этих двух важных предпосылок.

Первая: как я встретил Данте. Как рождается страсть к автору, чье произведение в наше время считается устаревшим? Со мной произошел очень конкретный случай, которому я обязан любовью к литературе и моим призванием к преподаванию. Без этого случая я не принял бы в своей жизни конкретных решений.

Лето после первого года в средней школе. Я — четвертый из десяти детей. Мой отец болен склерозом, дома трудности, поэтому меня просят поработать летом. Я устроился на работу к знакомым в городе Бергамо помощником в небольшой продуктовый магазинчик: работал и жил там с утра понедельника до вечера субботы. Я чувствовал себя немного в изгнании, вдалеке от родительской любви, чувствовал, что ко мне плохо относятся. Я был очень уставшим. Однажды вечером в 22.00, когда я, уставший как собака, собирался идти спать,

¹ Прощение Ассизи — праздник, который проходит каждый год в Ассизи с полудня 1 августа до полуночи 2 августа. Центром торжеств становится местность Порциункола. По преданию, однажды ночью, в 1216 году, святой Франциск молился в Порциунколе, и ему явились Христос и Пресвятая Богородица. Святой Франциск попросил их о прощении всех грехов для каждого раскаявшегося и исповедавшегося, который явится в эту церковь. При заступничестве Богоматери святому был дан ответ, что такое прощение может быть получено при одобрении викария земного, т. е. папы. На следующий день святой Франциск отправился в Перуджу, где в то время пребывал папа. Индульгенция (прощение грехов) была одобрена папой Гонорием III и получила название «Прощения Ассизи». В этот день католики по всему миру могут получить индульгенцию при соблюдении ряда условий: исповедь, причастие, чтение особых молитв.

хозяин магазина попросил меня разгрузить грузовичок с ящиками, полными бутылок с водой и вином. Мне нужно было снести их в полуподвал, куда вела крутая лестница. Когда, в очередной раз спускаясь по лестнице, нагруженный ящиками, я начал плакать, мне в голову вдруг пришли строки из «Божественной комедии». В то время в средней школе, согласно министерской программе, изучали «Божественную комедию» так: «Ад» — в первом классе, «Чистилище» — во втором и «Рай» — в третьем. Я закончил первый класс, и мы прошли «Ад». Наша замечательная преподавательница литературы заставляла нас заучивать наизусть целые отрывки. Вдруг, в тот момент, на середине лестницы, когда я тащил ящик с бутылками, мне в голову пришли строки: *«Ты будешь знать... как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням»*. Это было именно то, что я делал в тот момент! Это стало открытием моей жизни! В тот момент родилось мое призвание, потому как я открыл для себя, что означает «интерес», то есть *бытие внутри* в переводе с латинского. Данте говорил обо мне и рассказывал именно то, что я в тот момент переживал. Каким образом человек, живший 700 лет назад, может описывать мой опыт? Что делаю там я, как будто сфотографированный с такой четкостью? Я обнаружил, что литература говорит обо мне. После, дома меня охватил такой энтузиазм, что я прочел всю «Божественную комедию» за лето, конечно же, ничего в ней не поняв. Но мне было достаточно небольшой помощи преподавателя, чтобы понять, что произведение говорило обо мне. Обо мне говорили Леопарди, вся литература, великая музыка, искусство, скульптура... Я вдруг осознал: что-то потому поражает меня, я потому стою открыв рот — что некая частица меня заключена в том произведении, в той скульптуре, в той вещи.

Много лет спустя — потому что нужно много времени, чтобы приобрести опыт, чтобы говорить как святой Франциск — я понял, что не только Данте, не только Базилика, не только статуя, картина, но даже трава, облака, вода — говорят обо мне. Есть эта возможность диалога со всей реальностью, поскольку все в той или иной степени призывает тебя, взывает к тебе, обращает к тебе вызов, на который ты должен ответить. Жизнь становится постоянным принятием на себя ответственности, жизнь становится ответом на призыв, становится приключением, в процессе которого единственная стоящая вещь — это познать Того, кто зовет тебя через облака, через воду, через траву. Я начал ощущать литературу как диалог и поэтому захотел, чтобы и другие это почувствовали. Мое призвание преподавателя родилось в тот момент, когда я осознал, что у меня есть нечто великое, о чем я хотел бы сообщить другим, и что эта профессия по определению

наделена такой миссией: доносить до других уверенность, красоту, глубину отношений с вещами. Я говорю это вам, потому что обучение той или иной дисциплине в школе должно стать дорогой к истине или перекрестком на пути к ней. Я говорю это, потому что с тех пор для меня чтение Данте — это постоянное углубление диалога.

Когда я начинал преподавать в новом классе, я бросал им вызов. Я читал им отрывок из письма Макиавелли к Франческо Веттори, в котором описывается преподавание. Макиавелли тоже был флорентийским изгнанником, но говорил о собственной жизни как о проходящей никчемно, в грязи:

«С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой единственно я рожден».

Урок итальянского языка, по крайней мере, мой урок, должен быть таким: наберитесь храбрости оставить за дверями мерзости, которыми, по вашим словам, полна жизнь, оставьте повседневную грязь и войдите, облаченные в одежды собственного достоинства, будьте на высоте вашего желания, вашего сердца и попробуйте следовать за мной. Поскольку я там уже был и вернулся за вами, я буду вашим провожатым. В этом заключается ремесло преподавателя — провожать туда, где я сам уже побывал и где вы сами сможете задать древним предкам великие вопросы жизни.

Макиавелли продолжает: «Здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают. На четыре часа я забываю о скуке, не думаю о своих горестях, меня не удручает бедность и не страшит смерть: я целиком переношусь к ним».

Ребятам я говорю: «Представьте себе, что мы бы могли проводить по четыре часа утром таким образом, погрузившись в диалог. Единственная проблема — это взять себя в руки, найти мужество войти в этот час, задавая вопросы, которые ранят, говорить о вещах, которые тяготят. По словам Леопарди, если у вас нет вопросов, книга останется для вас немой. И рано или поздно вам надоест, как произошло со многими в школе».

В моей попытке понять, что Данте говорит о милосердии, я пришел к выводу, что для этого понимания недостаточно интеллекту-

ального любопытства. Иначе — с чего начнешь, тем и закончишь. Данте меняет тебя, если ты приступаешь к делу с личным вопросом: «Данте, а ты что скажешь о милосердии? Мне любопытно, потому что я, в первую очередь, задаю вопрос самому себе, я первый нуждаюсь в милосердии». Если ты приступаешь к Данте с такой позиции, тебя ждет множество открытий, ты многое увидишь. Начав этот диалог, невозможно будет его остановить, ты сможешь многое открыть, увидеть, многому научиться, твоя личная жизнь начнет меняться, ты начнешь расти, обновлять свои взгляды. Изменятся вопросы, которые ты задаешь сейчас по отношению к тексту, другими станут и ответы. В этом случае задача педагога — сказать ребятам: «Пойдем со мной. Я не знаю, какие ответы даст вам Данте, потому что у каждого из вас будут свои вопросы и поэтому свои ответы. Я могу быть только вашим проводником в месте, где можно беседовать с Данте, то есть в тексте. Но каждому Данте даст свои ответы». Я говорю об этом, потому что не существует иного способа понять литературу, да и любое происходящее событие. Человек жив, когда у него есть вопросы. Если у него есть вопросы, все то, что его окружает, представляется ему возможным ответом. От этого рождается увлекательная работа, и жизнь — мгновение за мгновением — становится невероятно интенсивной: и в хорошем, и в плохом, и в трудностях, и в радостях.

Второе, что я хотел бы вам сказать — и так мы начнем погружаться вглубь вопроса — чтобы понять Данте, надо напрячь фантазию, воображение. Ведь он жил в Средневековье, а мы уже далеко отошли от того времени, в хорошем и в плохом смысле. Мы больше не рассуждаем так, как рассуждали в Средние века. Я не отношусь к тем людям, которые говорят: «Как прекрасно было жить в Средневековье!» Я рад, что живу сейчас, хотя бы из-за того факта, что в те времена не было табака.

Я не склонен к ностальгии по прошлому. Но, конечно же, есть много вещей, которым нам следовало бы поучиться у Средневековья, а здесь — в Ассизи — этому можно научиться: достаточно посмотреть на жизнь святого Франциска, на Базилику, на фрески Джотто — сразу все станет понятно. Однажды я привез в Ассизи класс, и перед циклом фресок Джотто один из бергамасских простых ребят сказал: «Учитель, это что, и есть темные Средние века?» А я ему ответил: «Молодец! Напиши хорошую статью в какой-нибудь журнал, развеи миф, фальшивую идеологию, которая вот уже сто лет охватывает итальянскую школу и культуру. Напиши. Может, кому-нибудь это поможет». Пусть смотрят на Джотто. На этот свет, на эту красоту! Нам трудно себе представить, какая жизнь была у Данте, потому что те

времена были полны ужасных событий. Но не больше, чем сейчас, а почти так же, как сейчас. Люди Средневековья обладали одним качеством, которое важно признать: способностью с живой простотой думать и размышлять о собственной судьбе, о великих вопросах жизни. А сегодня, если ты начнешь задавать себе такие вопросы, на тебя будут смотреть, как на ненормального. Когда я говорю такие вещи, у меня возникает искушение погрузиться в вопросы воспитания. Вся трагедия поколений нашего времени заключается в этом: если у кого-то из молодого поколения естественным образом начинают возникать серьезные вопросы, касающиеся жизни, то другое поколение — взрослых — тут же говорит: «Что взбрело тебе в голову! Спустись на землю! Успокойся. Учись, делай карьеру. Эти вопросы... да... но... посмотрим... Думай о том, что есть!» В этом заключается преступление, которое поколение взрослых совершает ежедневно в отношении поколения ребят, сердца которых подобны сердцу Данте.

Задача жизни не быть довольными, но достичь удовлетворения. А это, как говорит Данте, две разные вещи. Наши дети не довольны тем, что есть, потому что желают большего и начинают делать то, что делают. Представьте себе эпоху, в которую было гораздо легче, проще вставать по утрам и ощущать проблему судьбы, счастья в жизни. Это противоположно тому, как мы живем сейчас. Если бы вы встретили Данте, идущего по Флоренции в восемь утра по направлению к кафе, вы бы могли спросить, удивив его уже с раннего утра: «О, Данте! Сегодня что будет? Какую цель ты преследуешь сегодня? Чего будешь искать?» И он не ответил бы вам так, как сегодня ответили бы мы. Он бы посмотрел на вас и произнес: «Как что? Чем я займусь сегодня? Постараюсь быть счастливым, адекватным той цели, ради которой я существую в этом мире! Счастье! Свершение моего призвания». А вы, немного удивившись, спросили бы у него: «Отлично! Согласен. Но в чем заключается счастье? Как бы ты его определил? Благодаря чему ты надеешься обрести счастье сегодня?» А он бы воскликнул: «Да ладно! Неужели ты сам этого не знаешь? Человек создан для счастья, то есть для познания истины, для поиска блага, для обладания красотой. Это же очевидно!»

Ради чего мы в этом мире? Что отличает нас от нашей собаки и нашей кошки, если не это? Чувствовать, как нам подсказывает истинная нравственность, что в этом наша задача, что именно благодаря этому мы пришли в мир, что в этом наше призвание, наш долг. Как следствие истины. Желание познать вещи, которые касаются не только философов и богословов. Обращаться к истине — означает понимать, в чем смысл того, что мы называем друга другом, говорим

женщине, что мы ее любим, что значит боль, радость, правда и ложь, добро и зло. Как можно жить в мире, не зная истинного значения этих слов? Важно знать, что истина может стать формой отношений, то есть способом, которым мы относимся друг ко другу, добром, практикуемым ежедневно. Любить — значит желать блага другому и себе самому. Вот что умиротворяет сердце человека. Кроме этих двух вещей есть еще третья — чувствовать, как твой день, твоя жизнь может приносить пользу тебе и другим. Чувствовать, что уходящее время оставляет благой след в этом бедном мире. Ощущать, что твоя собственная жизнь немного участвует в красоте мира. Правда, добро, красота. Люди называют эти три вещи трансцендентными. «*Il verum, pulchrum, bonum*». Мы так созданы. Данте сказал бы: «Счастье, Франко, это следовать и сегодня хотя бы немного за этими вещами. Идти в направлении понимания этих трех вещей».

Я рассказал вам все это, потому что у меня есть идея фикс, мотив, который я хотел бы вам раскрыть. Меня всегда поражает, что когда комментируют фигуру Данте, практически всегда, даже в школе, о нем говорят как о гении-одиночке. Как о цветке в пустыне. Но в то время все люди, даже крестьяне, рассуждали именно так. Они были воспитаны 1200 годами христианства. В добре и в зле — несмотря на все ошибки, войны, недостатки — они были как мы, возможно, даже хуже, чем мы, но у них было такое сознание, такое ощущение жизни, которые я описал выше. Иначе как понять, что какой-то парень из глухой провинции, из никому не известного городка посреди Умбрии, вдруг решается на совершенно безумную вещь: раздевается догола посреди площади перед самым епископом. Это не было действием напоказ — тогда не было газет, телевидения. Парень по имени Франциск, раздевшись догола перед епископом, сказал своему отцу: «Возьми назад все, потому что мое богатство в бедности». Об этом пошли слухи, и, спустя некоторое время, когда он решил собрать вместе своих последователей, на Капитоло делле Суоие пришло пять тысяч человек. Вы можете себе такое представить? В то время, когда не было иных средств массовой коммуникации, кроме слов и взаимного доверия, парень из Ассизи в 1200 году сотворил невероятную вещь, и за ним последовало пять тысяч человек со всей Италии и Европы. Потом был святой Бернард, который отправился восстанавливать монастырь среди болота. После его смерти осталось четыреста аббатств, разбросанных по всей Европе, в которых жили двенадцать тысяч братьев. Вы понимаете, что если могли происходить такие вещи, значит все, о чем говорит Данте, было всеобщим сознанием. Христиане того времени имели такое сознание по

отношению к самим себе, к другим, к вере, к церкви. Нам трудно это представить, но мы сможем это понять, если последуем за Данте. Данте сказал бы вам также с немного хитрым видом: «В моей жизни есть один момент, который я не знаю как, но заключил в себе все это добро, всю эту истину, всю красоту. Как будто вся привлекательность реальности, связанная со мной, сосредоточилась в одной точке: как громоотвод, как катализатор, как некая антенна, которая приняла на себя все то благо, которое я жду от жизни, всю красоту, всю истину, которую я хочу познать. Это момент привязанности. Девушка». Более того, самое первое, что помнит о своей жизни Данте, на глубинном, генетическом и структурном уровне связано с привязанностью. Момент встречи с женщиной, в которой сосредоточено ожидание жизненного блага: «Эта девушка, которую я впервые увидел, когда мне было девять лет, это мое самое первое воспоминание, которое, я думаю, совпадает с моментом, когда мне было обещано счастье. Беатриче, дарующая блаженство».

Меня это всегда поражало, когда я читал «Новую жизнь», благодаря этому я записал четыре DVD-диска («Новая жизнь», «Ад», «Чистилище», «Рай»). Если вы не поймете, что случилось с Данте, когда он влюбился в эту девушку, как он проживал отношение к ней, то обещание блага, которое жизнь дает каждому из нас — вы не сможете понять ничего в «Божественной комедии». Самая удивительная вещь, что для Данте это отношение совпадает с предчувствием блага, прощением и милосердием. Он часто ходил в церковь, чтобы только увидеть ее — в церкви, кстати, часто случаются интересные вещи, я советую вам туда ходить — «Говорю я: когда она появлялась с какой-нибудь стороны, то одна надежда на дивный ее поклон изгоняла все злое во мне и возжигала пламя милосердия, которое заставляло меня прощать всякому обидевшему меня. И если бы спросили меня тогда о чем-нибудь, то ответ мой был бы лишь один: “Любовь...” — и лицо мое исполнено было смирения».

Трудно себе представить! Ему было восемнадцать-двадцать лет, и он ощущал желание счастья, которое является основополагающим для призвания человека, он предчувствовал во встрече с девушкой ответ, который обещал ему блаженство. И в этом блаженстве он предвкушал огромную вероятность прощения. Когда я смотрел на нее, когда я жил под ее взглядом, «одна надежда на дивный ее поклон изгоняла все злое во мне и возжигала пламя милосердия, которое заставляло меня прощать всякому обидевшему меня». Закон жизни, Бытия, закон отношения между мужчиной и женщиной — это любовь, то есть прощение. Потому как слова «любовь» и «прощение»

совпадают. В этом заключается любовь, которой Бог возлюбил нас, когда мы были еще грешниками. Не существует другой формулы любви. Когда мы говорим своим детям: «Я тебя люблю», мы или говорим об этом правдиво, или лжем, сознательно или бессознательно. Любовь — это всегда прощение. Поэтому Бог — это милосердие. Определение Бога — Любовь, то есть Милосердие, способность отдавать жизнь за другого, еще до того, как он сможет это заслужить. Я уверен, что «Божественная комедия» — это великая поэма о милосердии, особенно «Чистилище».

«Божественная комедия» — это простая констатация. Что я могу сказать о себе самом? Каждый из нас до того, как пойдет спать, или завтра утром, встав с кровати, глядя на себя в зеркало, пусть скажет себе правду; что еще мы можем о себе сказать, кроме того, что мы — ничто? Если бы все зависело только от нас, ничего бы не было. Не мы сами дали себе жизнь, не мы сами дали себе красоту, которая нас окружает. Мы сами ничего не заслужили. Только любовь и бескорыстие творят наш день и все вокруг. Незаслуженное, всеобъемлющее бескорыстие. О самих себе мы можем только сказать, что жизнь — это отсутствие света. Как сумрачный лес, настоящая точка отсчета, о которой говорит Церковь. Когда мы идем на службу, нас просят сказать: «Моя вина, моя вина, моя великая вина». Нам дают понять, что о себе самих мы можем говорить только как о предателях, зле, ничтожестве, которыми мы являемся. Ты был прахом, в прах и возвратишься. Что ты мог бы добавить? Даже когда все в порядке и тебе кажется, что ты достиг успеха, сделал что-то хорошо, «земную жизнь пройдя до половины», в 35 лет, в год, когда тебе дали роль политика, когда показалось, что все, наконец, наладилось. Если ты честен с самим собой, что ты можешь сказать о самом себе? «Я очутился в сумрачном лесу». Мне не хватает самого главного в жизни — света, благодаря которому я могу тебе сказать, что люблю тебя и быть уверенным в том, что я говорю. Быть тебе другом и знать, что это значит. Говорить о радости и боли и нести в себе боль, не будучи ею раздавленным. Жить последней надеждой на благо. Мы не даем сами себе все это, но мы должны это искать. О себе самих мы можем только сказать, что мы оказались посреди сумрачного леса. Данте призывает нас дать себе в этом отчет. А потом что происходит? Обнаружив такую ситуацию, поразмыслив о ее условиях, мы вдруг осознаем, что свет, который должен освещать нашу жизнь, где-то существует. Если у нас хватает мужества поднять голову, а не паяться все время в собственный пупок, мы можем осознать, что есть в природе вещей возможность блага, в начале и в конце.

Я увидал, едва глаза возвел,
 Что свет планеты, всюду путеводной,
 Уже на плечи горные сошел.

Тогда вздохнула более свободной
 И долгий страх превозмогла душа,
 Измученная ночью безысходной.²⁾

Посреди сумрачного леса он вдруг видит холм, освещенный солнцем. И говорит: «Ба! Все в порядке! Солнце есть, свет есть, можно идти!» Весь полный надежды, он начинает взбираться на холм, но вдруг путь ему преграждают рысь, лев и волчица. В человеке имеется изначальная слабость, из-за которой он не может спасти себя сам. Это первородный грех: то, что стоит в самом начале, нечто структурное, позволяющее предчувствовать Бога, желать счастья, искать истину, но не позволяющее обрести все это собственными усилиями, и попытка проваливается, ровно так, как было у античных людей. Трагизм, который свойственен людям античности, родился именно здесь, как в прекрасном мифе об Икаре. Человек чувствует себя скованным узами, как в тюрьме, понимает, что ему для жизни необходим солнечный свет, и, вооружившись тем, что находит под рукой, строит себе крылья из птичьих перьев, чтобы полететь к солнцу. Но солнце сжигает крылья, и его попытка взлететь оканчивается падением в море. Конец. Люди античности здесь останавливались. Данте тоже идет по этому пути: сумрачный лес, холм, освещенный солнцем, но слабость толкает его прямо в глухую чащу, где он рискует умереть.

И я не раз на крутизне опасной
 Возвратным следом помышлял спастись.³⁾

Но Данте дальше говорит такое, что античные люди не могли сказать. К нему снизошло милосердие. Поскольку он сам по себе ничего не заслуживал. Более того, он использует звучный глагол, он был уже близок к смерти, и вдруг ему «был дан некий муж»⁴⁾. По-

² Данте Алигьери. «Божественная комедия». Ад 1, 16. Здесь и далее «Божественная комедия» Данте Алигьери в переводе М. Лозинского.

³ Ад 1, 35.

⁴ Ад 1, 61.

В оригинале: «Mi si fu offerto chi per lungo silenzio parea fioco». Перевод Лозинского не эквивалентен, буквальный перевод — «Мне был дан тот, кто долгое время молчал, казавшись слабым». В русском переводе стих 62 звучит так: «Какой-то муж явился предо мной, от долгого безмолвья словно томный».

нимаєте? Бесплатно, неожиданно, незаслуженно! Незаслуженно! Чистое милосердие, чистое прощение. В моем грехе, в тот момент, когда я тонул, вдруг проявилась реальность, черты которой мне не знакомы и которую я не могу описать.

Будь призрак ты, будь человек живой!⁵⁾

Когда Данте узнает Вергилия — а это именно Вергилий приходит на помощь Данте — у него вырывается вздох облегчения, и он говорит: «Давай поскорее выйдем отсюда!» Но Вергилий отвечает: «Отсюда есть выход, но все не так просто. Ты думал, достаточно сделать пару шагов и все? Нет! Перед тобой долгий путь, но, если ты хочешь, я проведу тебя по нему». (Речь идет о том, что Бытие — это и есть милосердие.) «Тебе придется пройти через Ад, то есть увидеть все то зло, которым ты наполнен и проделать длинный путь, чтобы избавиться от этого зла. Только тогда тебе будет позволено войти туда, куда желаешь, подойти к истине, красоте и благу, которые делают жизнь великой».

Раскрывая скобки, скажу: надеюсь, вам понятно, что «Божественная комедия» говорит не о потустороннем мире, а о нашей жизни. Иначе мы друг друга не поймем. Есть еще преподаватели, которые уверены, что речь идет о жизни после смерти, особенно когда говорят про «Рай». Поэтому в школе много изучают «Ад», немного «Чистилище» и почти ничего из «Рая». Или людям легче понять «Ад», я не знаю. То, что говорится в «Аду», лучше понимаешь, как минимум, тогда, когда из него выходишь.

Путь возможен, но он долог. Это процесс обращения и Вергилий это подтверждает: «Данте, смотри, жизнь не приемлет коротких дорог» — дословно —

Ты должен выбрать новую дорогу [...].⁶⁾

Данте собирается с силами, и они отправляются в путь. То, что «Божественная комедия» — это поэма о милосердии, подтверждает особенно вторая песнь. Данте, решив следовать за Вергилием, сразу же признает, что все не так просто, что жизнь — это борьба, она не для слабаков. Слабаки — это те, которые не выбирают ни добро, ни зло, которые не берут на себя ответственность стать людьми:

Вовек не живший, этот жалкий люд.⁷⁾

⁵ Ад 1, 66.

⁶ Ад 1, 91.

⁷ Ад 3, 64.

Возможно, они прожили по сто лет, но этих людей как будто бы и не было на земле. Автор «Божественной комедии» помещает их в огромную толпу лентяев, недостойных даже ада. Но вдруг Данте-герой понимает, что жизнь — это борьба и сдает назад: «Я не смогу, все, конечно, хорошо, но я — не как святой Франциск, или святая Кьяра, или папа Франциск... Не проси у меня так много. Я не в состоянии, не умею, не хочу жить на высоте моего призвания». Охваченный паникой Данте

Приготовлялся выдержать войну
И с тягостным путем и с состраданьем [...].⁸⁾

Он придумал отговорку, за которой мы все прячемся, когда боимся ответственности в жизни, то есть святости: я не достоин, я слабый. Такое смирение — ложь. Потому как настоящее смирение — это добродетель, побеждающая все грехи, которые все вместе составляют гордыню. Нужно возвращать в себе смирение, а не использовать его, как алиби. Только ложное смирение позволяет нам говорить: «Я не способен, я не достоин, ты не знаешь, что я пережил, в детстве я упал со стульчика...». Потом ты идешь к психоаналитику, который для того и существует, чтобы сказать тебе, что ты прав и что падение со стульчика — это не твоя вина. И так человек начинает говорить «нет». Сам Данте говорит: «Слушай, Вергилий, я — не Эней, я — не святой Павел, но, скажи, по-твоему, хоть кому-нибудь в мире нужно, чтобы я проделал этот путь?»

Я не достоин ни в малейшей мере.⁹⁾

Вергилий же хватает его и, повесив на гвоздь, объясняет: «Ты так ничего и не понял! Знаешь, почему я пришел к тебе на помощь? Я не оказался тут случайно, потому что ходил по грибы, я сидел себе уютно в Лимбе вместе с Горацием, Гомером и другими, но пришла одна прекрасная девушка, ты бы видел, что это было...»

Был взор ее звезде подобен ясной [...].¹⁰⁾

«Необыкновенно красивая, она умоляла меня броситься тебе на помощь. Я тут же ей ответил: “Конечно!” Но потом спросил у нее: “Кто ты? Что тебе до того человека?” И она рассказала мне, что она была

⁸ Ад 2, 4.

⁹ Ад 2, 33.

¹⁰ Ад 2, 55.

твоей возлюбленной, что она волнуется за тебя и пришла просить меня помочь тебе. Она тоже была занята своими делами, и, по правде говоря, ей было не до тебя, но ее призвала святая Лючия, которая прибежала к Беатриче и рассказала, что ее призвала к себе Богородица, Мать всех живущих, Мать Милосердия».

Я напомню вам, что в гимне Богородице первое обращение к Мадонне — это:

Ты — состраданье, ты — благоволенье,
Ты — всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье!¹¹⁾

Данте наделяет Ее божественными характеристиками. Слово «милосердие» встречается в «Божественной комедии» четыре раза: один раз — в части «Ад», два раза — в «Чистилище» и один раз — в «Раю». И это не случайно. Богородица, мать всех христиан, мать всех нас, являет своей жизнью Божьи слова, переданные пророком: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49:15).

Вергилий продолжает: «Она тебя увидела, позвала святую Люцию (покровительницу зрения, способности видеть, видеть истину), Лючия позвала Беатриче, Беатриче спустилась в Ад и позвала меня. А я пришел к тебе на помощь. Только попробуй теперь сказать, что ты не достоин!» На это Данте отвечает: «В самом деле...», — и снова решается отправиться в путь. Но вы поняли, что начало его пути из сумрачного леса — это уже милосердие? Он начал с того, что жизнь — это отсутствие милосердия. Но когда он встретил на улице Флоренции восемнадцатилетнюю Беатриче, она подтвердила его ожидание блага: «Да, Данте! Это я! Когда Господь создавал меня, он делал это для тебя. Я — источник твоего счастья». Представьте себе, он так обрадовался, что начал даже писать стихи. Потом показалось, что жизнь противоречит этому обещанию блага: я пришел в мир в поисках счастья, я видел, как те, кто меня окружают, живут христианством, они научили меня брать на себя ответственность, сделали великим, я почувствовал, что благо становится настоящим, что оно заключено в этой девушке, эта девушка говорит мне «да» и потом... Беатриче умирает! В самый прекрасный момент! Тогда Данте задает себе вопрос: «Что же такое жизнь? Все было так прекрасно и истинно, но вдруг

¹¹ Рай 33, 19.

жизнь обманывает меня таким ужасным образом. Она дает мне желание счастья, я чувствую, что создан для вечности, жизнь дает мне предчувствовать в женщине возможность блага *“сошедшего на землю с небес, чтобы творить чудеса”*, невероятную возможность добра. И когда мне кажется, что я в состоянии утверждать это добро, его у меня отбирают». Любой бы сошел с ума перед столь обезнадживающим — если нам кажется, что это именно так — предательством, на которое жизнь способна по отношению к нам. Тут слова Данте вторят произнесенному Леопарди на могиле Сильвии:

Природа, о Природа,
Зачем ты не дала мне
Того, что обещала? Для чего
Обманываешь ты своих детей?¹²⁾

Разве честно, что мы приходим в этот мир с обещанием блага, а все заканчивается именно так? Но поскольку Данте христианин, он задает себе вопрос: «Если девушка, которая обещала мне счастье, умерла, должно же быть какое-то объяснение. Я должен это понять. В этой девушке есть что-то такое, что я еще не понял».

«После этого сонета было мне дивное видение, в котором...», — так оканчивается поэма «Новая жизнь», которую я советую вам выучить наизусть. Я думаю, что Данте был святым, одним из тех, у которых были мистические видения, как у святого Иоанна Креста, но его никогда не сделают святым, потому как он поместил в ад слишком много священников, монахинь... И так, *«...было мне дивное видение, в котором лицезрел я вещи, понудившие меня принять решение не говорить о Благословенной до тех пор, пока я не смогу повествовать о ней более достойно»*¹³⁾. Данте говорит: «Чтобы осознать это, мне пришлось много учиться. В Беатриче скрыто что-то такое, чего я до сих пор не понял. Клянусь, что посвящу этому всю жизнь, больше не напишу о ней ни одного слова, пока не разберусь, что именно ускользает от моего понимания».

*«[...] если угодно будет Тому, кем жива вся тварь, чтобы моя жизнь продлилась несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не говорилось ни об одной»*¹⁴⁾, — ответьте мне, не в этом ли ключ к пониманию «Божественной комедии»? Мое личное наблюдение связано с тем, что именно Данте понял. Он объездил всю Европу:

¹² Джакомо Леопарди. К Сильвии. Перевод Н. Гумилева.

¹³ Данте Алигьери. Новая жизнь. Перевод Э. Эфроса.

¹⁴ Там же.

десять лет молитв, монастырей, аббатств, учебы... Десять лет, в течение которых он действительно пытался понять. Я не знаю, что с ним произошло, но вдруг он берет бумагу, перо и пишет: «Я понял! Я видел Бога. В Боге видел истину всего того, что со мной произошло. И не только. В Боге я увидел истину всей истории человечества. Я вернулся, чтобы рассказать ее вам». Берет бумагу и перо и пишет «Божественную комедию».

«[...] надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не говорилось ни об одной...»¹⁵⁾ — я убежден в том, что Данте предчувствовал, что сможет сказать о Беатриче так, как никто раньше не говорил, однако необходимо было дождаться того момента, когда культ Марии будет воспринят святым Бернардом, Ее великим певцом. Более того, в тридцать третьей песни «Рая» Данте вкладывает в уста святого Бернарда гимн Богородице. Раньше это было невозможно. Понадобилось тысяча двести лет, чтобы дозреть до неслыханной идеи, что только через Марию человечеству стало возможно встретить Бога, стало возможным Боговоплощение. В жизни Бог приходит к нам через невесту, жениха, через общину. То есть через форму различных призваний.

На протяжении всей части «Рай» Данте использует определения и глаголы — я думаю, что это можно показать, мы над этим работаем — использует коннотации, передающие изменения в видении Беатриче. Она предстает для Данте в новом свете, открывается по-новому в каждой последующей песни. Объединяя в последней песне все, что он понял о Беатриче, Данте пишет гимн Богородице. Таким образом, фигуры Беатриче и Богородицы сливаются. Беатриче была в его жизни тем, кем является Богородица в истории человечества: необходимой плотью, через которую слово Бога пришло ему навстречу, встретило его — Данте. От этой мысли у меня мурашки по коже, но я верю, что эту аналогию можно оправдать и даже критически обосновать. В «Раю» эта аналогия утверждается в совпадении его женщины с Женщиной-Богородицей. Понятно, если это так, вся «Божественная комедия» — это бесконечный гимн милосердию.

Приведу вам пример, потом замолчу, я уже достаточно долго говорил. Перечитаем вместе первую песнь части «Чистилище». Чистилище прекрасно, потому как оно — песнь милосердия. Ад решителен в своей стабильности, ад — это ад, там ничего не может измениться, ничего нового не может произойти. На самом дне ада, где находится Люцифер, нет огня. Огонь живой, он — символ жизни, мы даже ис-

¹⁵ Данте Алигьери. Новая жизнь. Перевод Э. Эфроса.

пользуем символ огня для изображения Святейшего сердца Иисуса. А что является символом смерти, после которой больше ничего нет? Лед, во льду ничего не может родиться, ничего не меняется, там все сковано в вечности, ужасной вечности. Рай же полностью противоположен аду, в нем происходит постоянное движение. В раю все любят друг друга, постоянно интересуются друг другом, обнимают друг друга, просят друг друга. В этих образах содержится объяснение троичности Бога. Бог не может не быть троичным, поскольку Он есть любовь. Чтобы любить, нужен кто-то другой. Бог — это любовь, которая выражается постоянно в необходимости отношения с другим (Отец и Сын, Сын и Двое других). Он нуждается в том, чтобы сказать «ты», «ты» — чтобы быть. Бог таков. Мы тоже такие. Поэтому рай — это постоянный путь друг ко другу, это постоянное движение, любовь, поэтому там никогда не скучно. Подумайте о том, что Данте начинает и заканчивает «Рай» двумя строками, в каждой из которых содержится глагол «движет». Первая строчка — *«Лучи того, кто движет мирозданье»*, и последняя — *«Любовь, что движет солнце и светила»*. Чистилище — это тоже непрерывное движение, продолжающаяся любовь, но в какой-то мере имеющая конец. «Чистилище» Данте — это песнь о нас, живущих на земле, это тактика битвы, тактика милосердия, прощения, постоянно обновляемого и получаемого, зависящего от постепенного осознания собственных грехов. «Чистилище» очень интересно с той точки зрения, что там все продельывают один и тот же путь. Даже Данте там присущи семь ран и семь грехов, от которых он постепенно будет избавляться по мере подъема на гору чистилища.

В эти дни я готовил выступление для программы ТВ2000, о котором я расскажу вам немного позднее, это очень интересно. Вместе с моими друзьями, ребятами из ассоциации «100 песней» мы обнаружили невероятные вещи, среди которых эта: чистилище — это не только место, в котором ты просишь прощения, и твои грехи словно отменяются, обнуляются, нет. Недостаточно убрать порок, человек не нейтрален, не существует нравственной пустоты. Если я исповедуюсь (так как сегодня день Прощения Ассизи), мой порок не то что обнулится, и до свершения следующего греха у меня будет как бы нулевой баланс, нет, ведь такого морального нуля не существует. Постепенно, отказываясь от греха, ты приобретаешь добродетель, и в переходе между ними нет пустоты. То, что мы с ребятами обнаружили в эти дни, действительно стало для меня большим открытием. Когда Данте в чистилище проходит один круг, ему прощается один грех, после чего он переходит на другой круг, на котором он

будет очищаться от следующего греха. После чего ангел на каждом из семи кругов чистилища возвещает ему одну из семи добродетелей. Невероятно! Если я перестану делать зло, обращусь, это не значит, что я стану более совершенным. У Данте это показано очень ясно: я остаюсь прежним, со всеми моими слабостями, но мое желание очищается, совершенствуется. Когда перед ним падет пелена, он войдет в рай и с удивлением скажет Беатриче: «Мы очень быстро движемся!» Они начнут двигаться со скоростью ракеты. Беатриче ответит ему: «Конечно! Но это не твоя воля помогает тебе двигаться вперед, а твоя природа. Поскольку ты прошел все чистилище, ты вновь стал тем, кем был, кем должен был быть — чистым желанием. Быть желанием Бога — это то, что тебе помогает двигаться по направлению к Богу по своей природе. Это в природе вещей. Ты создан для звезд и, когда ты вновь станешь самим собой, полетишь по направлению к звездам, не думая о том, что тебе надо делать. Твоя натура потянет тебя к Нему». Таким образом, семь переходов чистилища совпадают с семью добродетелями. На каждом переходе ангел возвещает одну из добродетелей. Это невероятно!

В первой песни «Чистилища» Вергилий представляет Данте Катону. Там весь смысл в словах «он восхотел свободы», давайте рассмотрим эти строки, в них заключена полемика. Катон спрашивает у них: «Что делаете здесь вы, грешники, которые вышли из ада? Это непорядок! Суд Бога таков, что вы оказались в моем гроте?» Как если бы брат Мауро на входе в Базилику, увидев нас входящих, сказал бы: «Стоп! Ты, ужасный грешник, вон отсюда! Вы, проклятые, хотите взойти на гору чистилища, то есть на путь к спасению? Это невозможно!» Но Вергилий отвечает ему:

Мой вождь, внимая величавой тени,
И голосом, и взглядом, и рукой
Мне преклонил и веки, и колени.¹⁶⁾

Перед обвинением Катона Вергилий просит Данте преклонить колени: «Он прав, ты же грешник. Ты полон мерзости, встань на колени и оплакивай свое зло». Он говорит Данте: «Молчи, я буду говорить, если скажешь что-нибудь, будет хуже.

Жена сошла с небес, ко мне взывая,
Чтоб я помог идущему со мной.¹⁷⁾

¹⁶ Чистилище 1, 49.

¹⁷ Чистилище 1, 53.

Это Богородица, святая Мария Ангелов, затеяла все это приключение, не волнуйся!

Но раз ты хочешь точно знать, какая
У нас судьба, то это мне закон,
Который я уважу, исполняя.¹⁸⁾

Раз ты хочешь знать, я тебе объясню:

Последний вечер не изведал он;
Но был к нему так близок, безрассудный,
Что срок ему недолгий был сужден.¹⁹⁾

Этот вот (Данте) еще не умер, смерть его еще ждет. Проблема в том, что он столько нагрешил, что был совсем рядом, сильно рисковал своей шкурой. Мне пришлось вмешаться.

Как я сказал, к нему я в этот трудный
Был послан час; и только через тьму
Мог вывести его стезею чудной.²⁰⁾

Что мне нужно было делать, чтобы спасти его? Пришлось проделывать весь этот путь.

Весь грешный люд я показал ему;
И души показать ему желаю,
Врученные надзору твоему.

Как мы блуждали, я не излагаю;
Мне сила свыше помогла, и вот
Тебя я вижу и тебе внимаю.

Ты благосклонно встретить его приход:
Он восхотел свободы столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.²¹⁾

Я не буду пересказывать все, получится слишком долго, но поверь, меня послала Богородица. И знай, что этот вот нуждается лишь в одном — в свободе. Ради свободы стоит жить и умереть».

¹⁸ Чистилище 1, 55.

¹⁹ Чистилище 1, 58.

²⁰ Чистилище 1, 61.

²¹ Чистилище 1, 64.

Он восхотел свободы, столь бесценной,
Как знают все, кто жизнь ей отдает.²²⁾

Катон покончил жизнь самоубийством именно во имя свободы. Он — язычник, убивший самого себя, а Данте ставит его охранять вход в чистилище, делает его святым, осмеливается трогать неприкосновенное, оправдывая его любовью к свободе. То, ради чего мы все рождены — это свобода. В конце одной из песен Вергилий говорит Данте: «Сейчас ты готов, ты стал господином самому себе. Наконец-то ты свободен, ты больше не раб, я тебя короную». Тогда Катон говорит: «Я понял, но у меня есть одно условие. Ты посмотри на него. Он жалок. Прежде чем войти, пойди умой его. Он черен лицом после ада, испачкан злом, слишком грязен, чтобы войти в чистилище. Сделай так: проводи его туда, где растет трава, усыпанная утренней росой. Возьми росы, умой ему лицо, прикрой его тростником, символом умиления, тогда он сможет войти». Это Прощение Ассизи, то, что святой Франциск попросил у Бога для всех людей, чтобы они смогли совершить все это и быть достойными войти хоть и не напрямую в рай, но в чистилище, в жизнь более настоящую, более добрую, более праведную.

Весь этот островок обвив вокруг,
Внизу, где море бьет в него волною,
Растет тростник вдоль илистых излук.

Растения, обильные листвою
Иль жесткие, не могут там расти,
Затем что неуступчивы прибою.²³⁾

Только смиренный тростник, что уступчив прибою, может расти среди волн.

Дойдя дотуда, где роса вступает
В боренье с солнцем, потому что там,
На ветерке, нескоро исчезает, —

Раскрыв ладони, к влажным муравам
Нагнулся мой учитель знаменитый,
И я, поняв, к нему приблизил сам.

Слезами орошенные ланиты [...].²⁴⁾

²² Чистилище 1, 71.

²³ Чистилище 1, 100.

²⁴ Чистилище 1, 121.

Нужно по-настоящему покаяться, это не игра слов, надо выплакать все свои слезы над своим злом. Когда Данте понимает, что Вергилий, собрав росу, собирается умыть ему лицо, то есть очистить его, он встает на колени, плачет, приближает к нему лицо, чтобы тот смыл следы ада. Данте вышел оттуда таким черным, что было невозможно его узнать: настолько зло изуродовало его лицо. Вергилий умывает его и, наконец, становится видно лицо Данте, его истинная личность снова становится узнаваемой, он снова может сказать «я».

Затем мы вышли на пустынный брег,
Не видевший, чтобы отсюда начал
Обратный путь по волнам человек.

Здесь пояс он мне свил, как тот назначил.
О удивленья! Чуть он выбирал
Смиренный стебель, как уже маячил

Сейчас же новый там, где он сорвал.²⁵⁾

Вот чудо! Только Вергилий срывал стебель тростника, на его месте тут же выросал другой. Вот вопрос, на который отвечает «Божественная комедия»: как можно начать все сначала?

Почему я утверждаю, что главная тема «Божественной комедии» — это милосердие? Потому что это поэма о жизни, а главной темой жизни является тема милосердия. Какая у нас у всех проблема, особенно у старшего поколения? Возможность начать все заново. Это так или нет? Старый Никодим стыдился своих грехов, но при этом сознательно говорил Иисусу: «Я понимаю, что Ты говоришь, но я столько всего наделал в жизни. Я хотел бы родиться заново. Чтобы начать с чистого листа». Я иногда хожу читать Данте в тюрьмы. Есть одна группа заключенных с пожизненным сроком, и однажды мы с ними читали «Чистилище». Когда я уже собирался уходить, один из них — один из тех, кто больше никогда не выйдет из тюрьмы, — подошел ко мне и сказал: «Простите, профессор, Вы не можете уйти, пока не ответите мне на один вопрос. Скажите мне, неужели это и обо мне тоже...», — и прочитал мне вот эти строки:

Мои ужасны были прегрешенья;
Но милость божья рада всех обнять,
Кто обратится к ней, ища спасенья.²⁶⁾

²⁵ Чистилище 1, 130.

²⁶ Чистилище 3, 121.

«Неужели, профессор, это касается и меня?» — и начал плакать. «Профессор, скажите мне, что это и для меня тоже». Его вопрос — это и мой вопрос. Это наша общая проблема, мы нуждаемся в прощающем взгляде. «Божественная комедия» создана именно с этой целью — сказать, что этот взгляд существует. Начиная с момента встречи в сумрачном лесу, особенно во время пути через чистилище, она рассказывает именно об этом. Манфреди был, конечно же, псом, он натворил много всего, был врагом Данте, но врагом, которого Данте простил. Вот как он рассказывает о своей жизни:

Когда я дважды насмерть был пронзен,
 Себя я предал, с плачем сокрушенья,
 Тому, которым и злодей прощен,

Мои ужасны были прегрешенья;
 Но милость божья рада всех обнять,
 Кто обратится к ней, ища спасенья.²⁷⁾

«Если бы епископы и папа знали бы об этом милосердии, они, наверное, не обошлись со мной так». И тут он начинает молиться за усопших, потому что молитва об усопших помогает им войти в чистилище. Также и граф Монтефельтро, в пятой песни «Чистилища» рассказывающий о всех своих злодеяниях, погибает, пронзенный стрелой в горло, посреди поля. Но за секунду до смерти начинает читать молитву Ave Maria и успевает произнести только одно слово: «Мария». Данте спрашивает, почему его тело так и не нашли после битвы. Тогда он рассказывает свою историю, как он, раненый в бою, призывал Богородицу, но по его душу явился дьявол и уже забрал было ее себе, как внезапно появился ангел и вырвал душу графа из лап дьявола. Дьявол возмущен, он кричит: «Что ты делаешь! Она моя! Всю его жизнь я учил его убивать, проклинать Бога, так продолжалось до последнего момента его жизни». Дьявол настолько разозлился, что уничтожил тело графа так, что его не смогли найти. «Из-за какой-то слезинки вы отобрали у меня душу, которую я обхаживал всю его жизнь, заставляя совершать ужасные грехи». Из-за какой-то слезинки. Невероятно! Когда святой Франциск просит у Бога: «Ради маленькой слезинки, ради моей слезы, прости всему миру его грехи», Господь ему это позволяет. Я всегда ощущал «Божественную комедию» как такое длящееся, бесконечное, постоянное, ежедневное Прощение Ассизи, которому можно научиться, которым можно наслаждаться...

²⁷ Чистилище 3, 18.

Обсуждение.

Ведущий. Если у вас есть желание, то есть немного времени для вопросов. У меня есть один, очень простой. Думаю, что для тебя он будет простым. Данте в «Божественной комедии» часто описывает реальность очень жестокой, голой, ничем не прикрытой. Об этом часто спорят. Что может сказать «Божественная комедия» об очень спорном отношении между истиной и милосердием, между честностью и милосердием?

Франко Нембрини. Ничего себе вопросик под конец! Ну что ж, начнем все заново. Это очень интригующая тема! Что на самом деле человек не может делать? Я сейчас скажу, как смогу, потом мы можем к этому вернуться. Что у человека не получается сделать? Удерживать вместе эти две вещи: истину и милосердие. Когда мы защищаем истину, мы становимся жестокими. Так как другой никогда не соответствует истине, для нас защищать истину — значит приговаривать другого. Чтобы быть милосердными, то есть добрыми, нам приходится идти на компромисс с истиной. Человек всегда пытался жить, совмещая эти две вещи, но у него никогда не получалось. Псалом говорит: «Милость и истина встретились, правда и мир облобызались: истина из земли взошла, и правда с неба склонилась».²⁸⁾

Именно обещание Бога сотворит то, что невозможно для людей. Поэтому, мне кажется, со Христом стало возможно пытаться жить, как живет Бог. То есть держать вместе, не отступая ни на шаг, истину и милосердие. То есть любовь к другому. А что их держит вместе? Какое христианское событие может утверждать истину и при этом не отступать ни на шаг от тотальной любви к другому? Христос из любви к нам и ради нашего спасения, не отступая от истины, должен был умереть. Мне кажется, что в этом и есть ответ. Тот же самый святой, который попросил прощения для всех нас, получил стигматы — знаки распятия на собственном теле. Он мог бы быть самым веселым святым, а он умер, заплатив за наше прощение. Христос сделал это в самом начале, но это сделал и святой Франциск. Мне кажется, что истина и милосердие могут быть вместе, когда есть готовность полностью посвятить самого себя, отдать свою любовь другому, не ожидая, когда он ее заслужит. Вся «Божественная комедия» построена вокруг этого. Данте, идя по этому пути, меняется. Прочитайте с тридцатой по тридцать третью песни «Чистилища», когда Данте встречает Беатриче, а она начинает ругать его по полной программе. И ты жалеешь Данте, встаешь на его сторону, потому что он падает в обморок. В Ко-

²⁸ 84 псалом

медии есть только два обморока: этот и еще один в эпизоде с Паоло и Франческой. Данте падает в том смысле, что он готов отдать всего себя, собственную жизнь в ответ на предложение Беатриче, только тогда становится возможным его спасение. Здесь можно было бы многое сказать, но мне кажется, что ключ к прочтению текста таков.

Лука. Меня зовут Лука. Я работаю учителем в школе. Я читал Данте. Ты меня очень удивил, потому что ты в короткий срок смог очень синтетическим образом, удерживая наше внимание, помочь нам пережить опыт современности Данте и убедить, что «Божественная комедия» говорит не о потусторонней жизни, а о нашей современности. Это по-новому осветило для меня все другие школьные дисциплины. Я думаю, что «трюк» в этом. Такой метод нужно использовать не только при изучении «Божественной комедии». Я очень люблю свою работу. Иногда я выхожу из класса более богатым, чем когда вхожу туда до начала урока. А ты какой опыт приобрел за время своего преподавания?

Франко Нембрини. Я думаю, что могу ответить тебе коротко, но касаясь всего того, о чем мы говорили раньше. Я пытался воплотить в преподавании то, что получил от моих родителей. Об этом я подробно рассказываю в книге «От отца к сыну». Глядя на своего отца, я понял одну вещь и никогда его за это не перестану благодарить: он беспокоился о своей святости, а не о моей. Не занимаясь моей святостью, он не действовал мне на нервы. Оставив в покое мои нервы, отец позволил мне быть любопытным и, следуя за ним, понять многие вещи. Тоже самое я пробовал делать со своими детьми — я пытался заниматься своей святостью, а не их. И так же я делал в школе. Я старался, чтобы за час своего урока я сам мог научиться чему-то новому. Поэтому утром, идя в школу, готовый к урокам, я всегда знал, что там могут случиться вещи более великие, чем те, которые я сам придумал. Я был готов следовать за ними и, если надо, менять направление пути. Жизнь гораздо больше, чем то, что у нас в голове. Вопрос одного, любопытство другого, трудности третьего, нежелание учиться четвертого, проблемы целого класса, когда после десяти минут объяснения ты вдруг понимаешь, что ученики «отключились». Ты это видишь, только идиот после двух-трех лет преподавания не видит такие вещи. Тогда лучше сменить работу. Если после десяти минут они отключаются, бесполезно злиться и кричать. Смотри на этот факт и задавай себе вопрос: «Почему?» Это не проблема отсутствия у них интереса к учебе. Эта проблема касается меня, который не смог их заинтересовать. Понимаешь, что это два разных вопроса? Ты начинаешь изобретать новые инструменты и способы работы.

В итоге после четырех часов уроков ты отличаешься от себя прежнего, который вошел в школу в восемь утра. Я думаю, что это касается всех типов отношений и всех типов работ. Это имеет особое значение, потому как преподаватели — это тот класс работников, которые больше других страдают депрессиями и нервными истощениями. И этому есть объяснение. Мы работаем не с ботинками, а с людьми. Удерживать моральное напряжение внутри одного отношения — это трудно, внутри тридцати отношений — еще труднее, но тридцать, помноженное на пять, — это сто пятьдесят ребят, которые смотрят на тебя, и ты знаешь, что в глубине своей они задают вопрос: «Скажи мне, зачем ты встал сегодня утром и в чем смысл счастья твоей жизни? Ты не можешь заставить нас выучить все те глупости, о которых ты рассказываешь, если в них нет адекватного смысла. А единственный адекватный смысл — это счастье. И тогда ты должен мне ответить, счастливы ли ты, встречая меня и обучая меня всему тому, что преподаешь». Пять таких часов тебя по-настоящему опустошают. Величие преподавателя в том, что он может выдержать такой моральный вызов, к которому он должен быть готов, ему призваны помогать его друзья, которым, в свою очередь, помогают их друзья. В этом вся идея школы. Школа — это компания взрослых, которые поддерживают друг друга в этом непростом задании, которое на самом деле является заданием всей жизни. Здесь гораздо легче понять, что такое жизнь. Поэтому я стал преподавателем. Не потому, что я делал добро ребятам, а потому что моя жизнь становилась более веселой, красивой, более настоящей. Если при этом я смог кому-то помочь — хорошо. Понятно?